

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ

Как ни странно на первый взгляд, в русскоязычном вокабуляре нет раз и навсегда установленного термина, охватывающего все виды оскорбительных высказываний. Важно, что в список слов, используемых для осуществления таких высказываний, входят как наиболее вульгарная табуируемая лексика типа русского мата, так и вполне приемлемые «в приличном обществе» слова, но соответствующим образом использованные. Высказывание может не содержать ни одного непристойного слова и просто являть собой, например, презрительный отзыв о чужой религии, призыв к насилию против инакомыслящих и т.п. В этом отличие данного слоя от «просто брани».

В англоязычной практике существуют два родственные терминологические понятия, которые на русский язык могут быть переведены только приблизительно: hate speech - букв. «слова, выражающие ненависть», «вокабуляр ненависти» и fighting words - букв. «слова, побуждающие к драке», «провоцирующий вокабуляр». Использование этих терминов в русскоязычной практике представляется довольно неудобным.

Согласно словарям и доступным определениям, к соответствующему вокабуляру относятся вербальные средства, призванные выразить пренебрежение или ненависть, а также запугать или призвать к насилию по отношению к людям на основании их расовой, национальной или классовой принадлежности, религии, пола, сексуальной ориентации, физических недостатков, внешности, акцента, малограмотности, политических взглядов, моральных предпочтений, рода занятий, умственных способностей и т.п. Речь здесь идет равно об устном или письменном выражении подобных чувств и взглядов.

Кроме этих средств в английской практике существует так наз. harassment. В самом общем значении это причинение лицу беспокойства, преследование, домогательство, вообще любое антисоциальное действие, производимое вопреки желанию объекта харассмента.

Но чаще всего этот термин понимается более узко, как домогательство сексуального характера, «приставание», «назойливое ухаживание», главным образом, на рабочем месте. Как видим, здесь подразумевается не только словесное общение.

Наконец, существует еще один английский термин самого общего характера – verbal abuse, «вербальная агрессия». Вероятно, это наиболее приемлемый для русского употребления нейтральный термин. Именно он будет в основном использован в настоящем исследовании.

Ясно, что по степени «почтенности» наиболее грубая часть рассматриваемого материала занимает одно из последних мест в парадигме любой культуры. Но столь же очевидно, что данный вокабуляр жизненно

необходим, отчего и присутствует во всех без исключения этнических культурах, и одно это делает его заслуживающим изучения.

Вербальная агрессия повсеместно осуждается, а в ее экстремальных формах заслуживает наказания, в том числе уголовного. За выражение ненависти в адрес людей по причине каких-то их особенностей (расовых, религиозных, этнических и т.п. – см. выше) в большом количестве уголовных кодексов предусматриваются достаточно суровая кара, так как подобное поведение приравнивается к дискриминации по недопустимым признакам.

Однако на пути борьбы с вербальной агрессией имеется целый ряд трудностей. Перечислим несколько препятствий к введению ограничений на выражение вербальной агрессии.

Главная трудность здесь в том, что невозможно составить общий для всех культур список запрещаемых слов: то, что в одной культуре категорически осуждается, оказывается вполне приемлемым в другой культуре, и буквальный перевод, например, на русский язык английского Fuck! или французского Merde! может только ввести в заблуждение: в русской культуре слово, соответствующее по буквальному значению fuck, безоговорочно табуируется, английское же fuck, хотя и осуждается многими носителями языка, может регулярно встречаться в письменном виде и в речи и мало отличается в этом смысле от русского «Черт побери!», а fucking - от какого-нибудь «хреновый» или «чертов». Французское же Merde! значительно слабее даже русского «Дерьмо!», не говоря о «Говно!» и представляет собой вполне литературную эксплетиву.

Хуже того, даже в пределах одной этнической группы, но в разных социальных подгруппах на этот счет может быть совершенно противоположное мнение: то, что для университетской преподавательницы звучит как недопустимая грубость, для рыночной торговли – каждодневный, отнюдь не эмоционально нагруженный язык. В языке современного российского телевидения ещё совсем недавно безоговорочно табуируемые «жопа» и «говно» практически получили права гражданства.

Наконец, в пределах одной подгруппы отношение к запрещаемым словам может с течением времени измениться на противоположное. Если совсем недавно принадлежность к гомосексуальному меньшинству считалось в нашей стране уголовным преступлением, сейчас это уже не обвинение, хотя слово «Пидорас!» («педераст») по-прежнему табуируется, хотя, главным образом, адресуется оппоненту независимо от его половой ориентации, просто как оскорбительное обзывание. В англоязычном употреблении совсем недавно Bitch! (букв. «Сука!») звучало много оскорбительнее, чем даже Whore! (букв. «Блядь!»); сейчас Bitch! нередко принимается женщинами подобно тому, как в свое время были приняты художниками презрительные прозвища фовистов или импрессионистов, как еще раньше стали почетными самоназваниями прозвища французских санкюлотов (букв. «голоштанники») или голландских повстанцев гёзов (букв. «нищие»).

И наоборот, усилившееся влияние движения феминисток привело к тому, что даже добродушные англоязычные шутки о блондинках стали

рассматриваться как грубо оскорбляющие женский пол, то есть как харассмент.

Немаловажно уже отмеченное выше обстоятельство, что одно и то же слово может играть роль грубого обзывания и просто констатировать факт, пусть и неприятный. Слово «кривой» можно использовать, описывая одноглазого человека в его отсутствие, но прямое обращение «Эй ты, кривой!» - яркий пример вербальной агрессии. Следовательно, приходится говорить не о запрете на какое-либо слово, а о его запрете в определенной ситуации.

В обществе, где одним из главных социальных завоеваний считается свобода слова, очень остро воспринимается цензура, а запрет на использование определенных слов иначе как цензурой назвать нельзя. И даже если принять необходимость цензуры в каких-то строго ограниченных случаях, возникает проблема выбора цензоров: очевидно, что в разных судебных органах и инстанциях мнения будут самыми различными и обязательно противоречивыми

Это очень серьезный аргумент. Использование неподобающего вокабуляра при этом не может служить извинением для запрета содержащего его высказывания, ибо таким образом легко придти к подавлению свободомыслия, да и вообще мышления, когда нельзя будет не только говорить, но и думать о чем-то осуждаемом определенной частью общества.

Следует подумать и о том, что оскорбление не обязательно ведет к дальнейшему физическому воздействию, т.е. драке или войне. Совершенно разные вещи – обозвать или ударить кого-либо, а пословица «Собака лает, ветер носит» придумана миролюбивыми людьми. А поскольку запрет на использование вербальной агрессии никак не изменит агрессивную позицию его автора, просто запретить ему высказывать свое мнение мало целесообразно, это отнюдь не снизит агрессивность общества, а лишь загонит ненависть вглубь и усилит фрустрацию.

Целесообразно подумать еще и о том, что защищая от оскорблений определенную подгруппу общества – например, права национального меньшинства - легко впасть в другую крайность, снова дискриминируя, но на этот раз большинство. Белые американцы нередко выражают недовольство тем, что, например, при приеме на работу наниматель может отдать предпочтение афро-американцу не за его достоинства, а просто опасаясь обвинения в расизме. Соответственно оскорбление человека с черной кожей в глазах закона может выглядеть сильнее, чем такое же оскорбление белого.

Еще одно сомнение в целесообразности борьбы с «вокабуляром ненависти» - это, если можно так выразиться, «синдром запретного плода»: «раз власти борются с обзыванием евреев жидами, значит что-то в этом оскорблении есть».

Следует отметить, что вербальная агрессия очень неоднородна по составу. Сюда входят, как уже отмечалось выше, слова нейтральные, равно как эмоционально насыщенные, вульгаризмы, бранные эксплетивы,

богохульства и т.п. Весь этот пестрый материал может использоваться как вербальная агрессия, но отношение к каждой из этих групп не может не быть разным. Еще важнее, что производимый этими словами эффект будет резко различаться: вульгарная брань всего лишь оскорбляет слух воспитанного человека, а оскорбительная кличка по признаку национальности, внешнего вида, физического недостатка и т.п. может привести к серьезному конфликту.

В электронной энциклопедии Wikipedia в статье Verbal abuse приводится обширный структурированный список слов, которые в англоязычной культуре можно считать вербальной агрессией. К этому списку ниже добавлены возможные русские соответствия:

- По отношению к к-л, страдающему дефектами лица или кожным заболеванием: dirty, monster, frankenstein, asking have they "been in a fire", from outer space, saying somebody doesn't wash etc. Возможные русские соответствия: «чучело», «урод», «уродина», «страшилище» и т.п.
- Относительно чьего либо морального поведения: Liar, cheat, sanctimonious, holier-than-thou, goody two shoes, and in women, prostitute, harlot, whore, tart, hussy, slut, slag, scrubber, bitch, cow, cat, Jezebel, bastard, creep, teachers/boss's pet. Возможные русские соответствия: «лгун», «потаскуха», «бесстыдница», «блядь», «шлюха», «сука», «стерва», «ублюдок», «выблюдок», «подонок», «хозяйский прихвостень», «подлец», «негодяй» и т.п.
- Обращение к людям с «нестандартной фигурой»: fatty, fatso, fatass, lardy, lardass, beanpole, stick, skeleton and other comments such as, "you'll break the scales". Возможные русские соответствия: «толстяк», «пузан», «жиртрест», «оглобля», «палка», «скелет», «горбун» и т.п.
- К тем, кто, будучи взрослым, продолжает жить с родителями: momma's boy, big girl's blouse, calling them soft or a baby or saying comments like "isn't it about time he/she cut the strings". Возможные русские соответствия: «маменькин сынок», «сосунок».
- По поводу сексуальной ориентации объекта агрессии: backs to the wall, queer, faggot, dyke, carpet-muncher, girl, poof/poofter, nancy-boy, fudge-packer, etc. Возможные русские соответствия: «пидорас», «пидор», «голубой».
- Обвинения в рептильности и двуличности: creep (the rarer form of creep is creeping jesus) worm, snake smarmy. The phrases 'two-faced, two-headed snake, and snake in the grass. Возможные русские соответствия: «подлиза», «лизоблюд», «холуй» и выражения типа «Без мыла в жопу лезешь».
- К лицам иного социального положения: snob, beggar, toffee-nose, spoony, etc. Возможные русские соответствия: «побирушка», «пижон», «сноб».

- К сплетникам и доносчикам: tattle-tale, telltale, gossip, blabbermouth, big mouth, motormouth, informer, mole, grass, sneak, and saying things like telling tales out of school, prissy, prim-and-proper. Возможные русские соответствия: «доносчик», «ябедник», «сплетник», «крыса».
- К пьяницам и наркоманам: alky, druggie, wino, drunk/drun kard, smackhead, crackhead, junkie, methhead etc. Возможные русские соответствия: «алкаш», «пьянь», «наркота».
- В конце списка подчеркивается, что негативные высказывания по поводу чьих-либо одежды, внешнего вида, расы, религии, этнической принадлежности, любимых еды и питья тоже представляют собой примеры вербальной агрессии. Русскими соответствиями в случае этнических обзываний могли бы быть, например, «черный», «чурка», «хачик», «жид», «хохол», «татарва», «америкос» и т.п. Английские обзывания – dago (итальянец), Hun (немец), kike (еврей), raki (пакистанец) и т.п.
- Очевидно, что эта классификация далеко не полна. К данному списку можно было бы добавить обвинения в глупости. Русские варианты: «дурак», «идиот», «кретин», «полудурок», «придурок», «остолоп» и т.п. Не приведены примеры богохульств и других оскорблений религиозного плана и мн. др.

Однако уже из приведенного списка видно, как несостоятельно утверждение, что вербальная агрессия – это «всего лишь» слова: как известно, «слово лечит, слово и калечит», и оскорбление словом способно нанести больший вред, чем физический удар.

Относительно возможностей цензуры. Очевидно, что при всем уважении к принципу свободы слова какие-то ограничения здесь неизбежны. Эти ограничения, собственно говоря, уже существуют повсеместно, и весь вопрос лишь в их количестве и качестве. Самый больной вопрос – выбор экспертов, способных отделить зерна от плевел. По указанным выше причинам, объективный отбор таких экспертов невозможен принципиально, отчего в данном вопросе остается полагаться на здравый смысл. В демократическом государстве возможен консенсус, хотя добиться его будет, очевидно, нелегко.

Относительно «дискриминации наоборот». Это один из самых болезненных вопросов. В самом деле, приходится признать, что, например, обзывание русского москалем или кацапом звучит несравненно менее оскорбительно, чем «жид», «чурка» или «черный», а нападение скинхедов на человека кавказской (или азиатской) внешности однозначно воспринимается как проявление расовой ненависти, в то время как нападение на русского – как «всего лишь» хулиганство или бандитизм.

В современной России назрела необходимость решительного пересмотра законодательства, касающегося всех видов вербальной агрессии. Сегодня это очень краткое упоминание явления, допускающее вольное истолкование. Необходимо, используя опыт стран западного мира, составить

свои собственные законы, в которых было бы четко расписано, какое наказание следует в случае нарушения этого правила.

При этом очевидно, что при современном состоянии общества запрет на употребление вульгаризмов с целью вербальной агрессии не должен быть слишком суровым, так как в настоящее время уже наблюдается обесценивание этого лексического слоя, вульгарная брань теряет прежде очень сильный эмоциональный заряд и превращается в эксплетиву. Приблизительно то же можно сказать о русских богохульствах, которые в своем нынешнем виде немногочисленны и практически связаны с религией чисто формально.

В силу этих и ряда других причин современная русская вульгарная брань получила такое распространение, что искоренение или хотя бы резкое сокращение ее невозможно или требует невероятных усилий, которые полезнее использовать по другому поводу. Ср. известную максиму «Мы матом не ругаемся, мы им разговариваем».

С другой стороны, некоторые виды вербальной агрессии должны пресекаться самым решительным образом. Это упоминаемые выше оскорбительные высмеивания другой расы или нации, насмешка над инвалидом, вербальные издевательства над лицами с физическими или умственными недостатками, неуважительные отзывы о политической или религиозной принадлежности и т.п. Приходится признать, что при всех недостатках цензуры человеческое общество не готово к полной ее отмене.

В этом отношении нашим законодателям предстоит большая и серьезная работа.